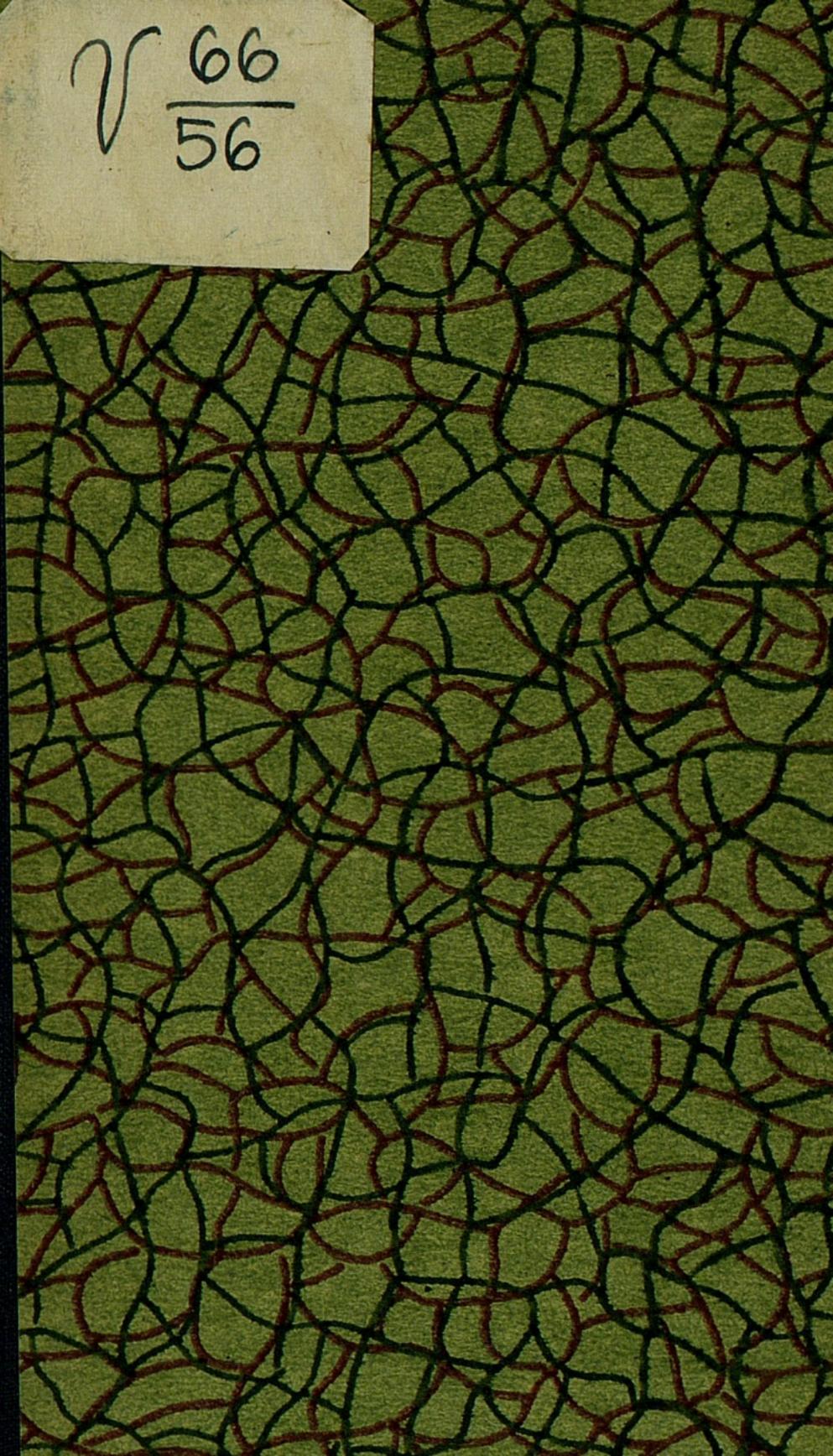
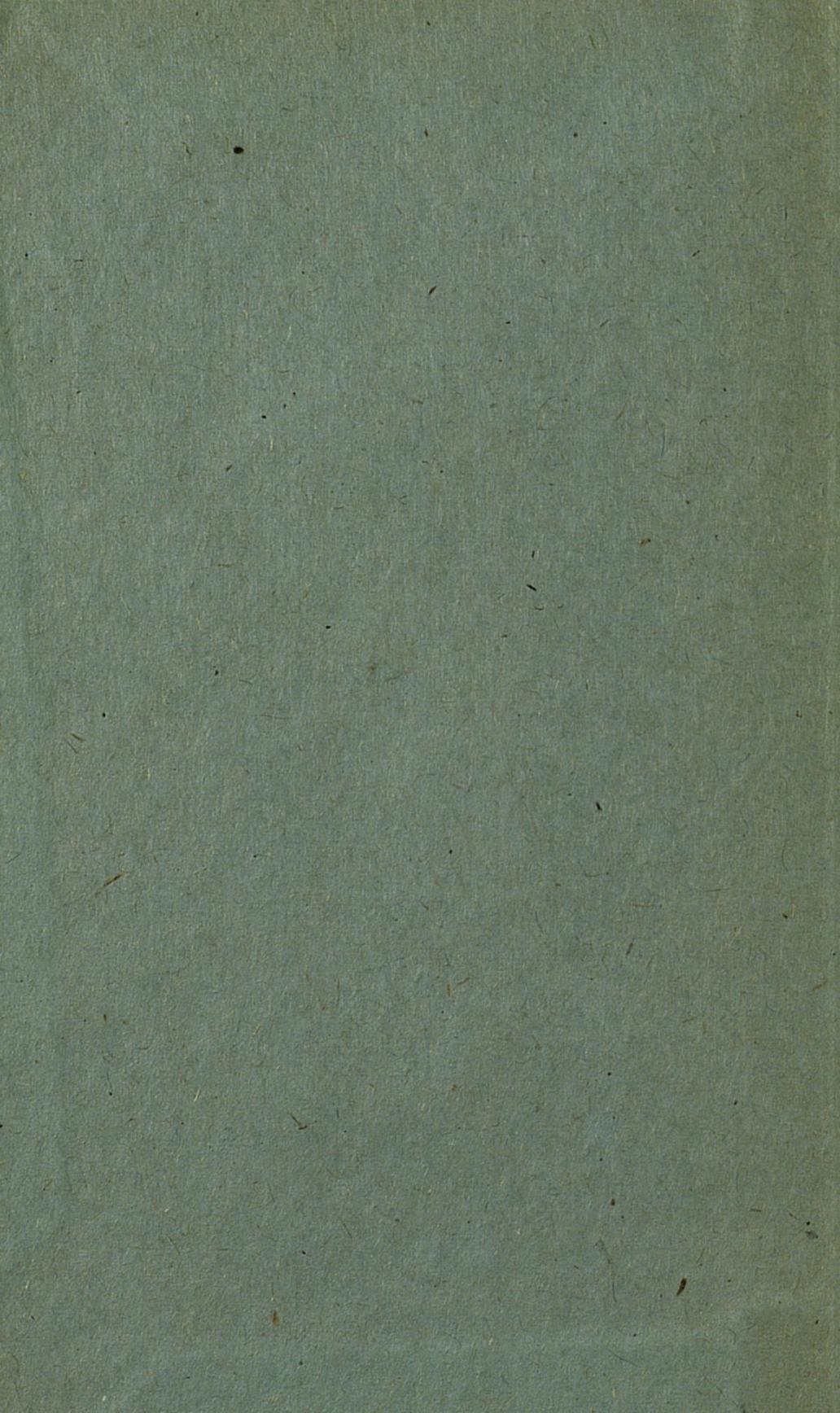
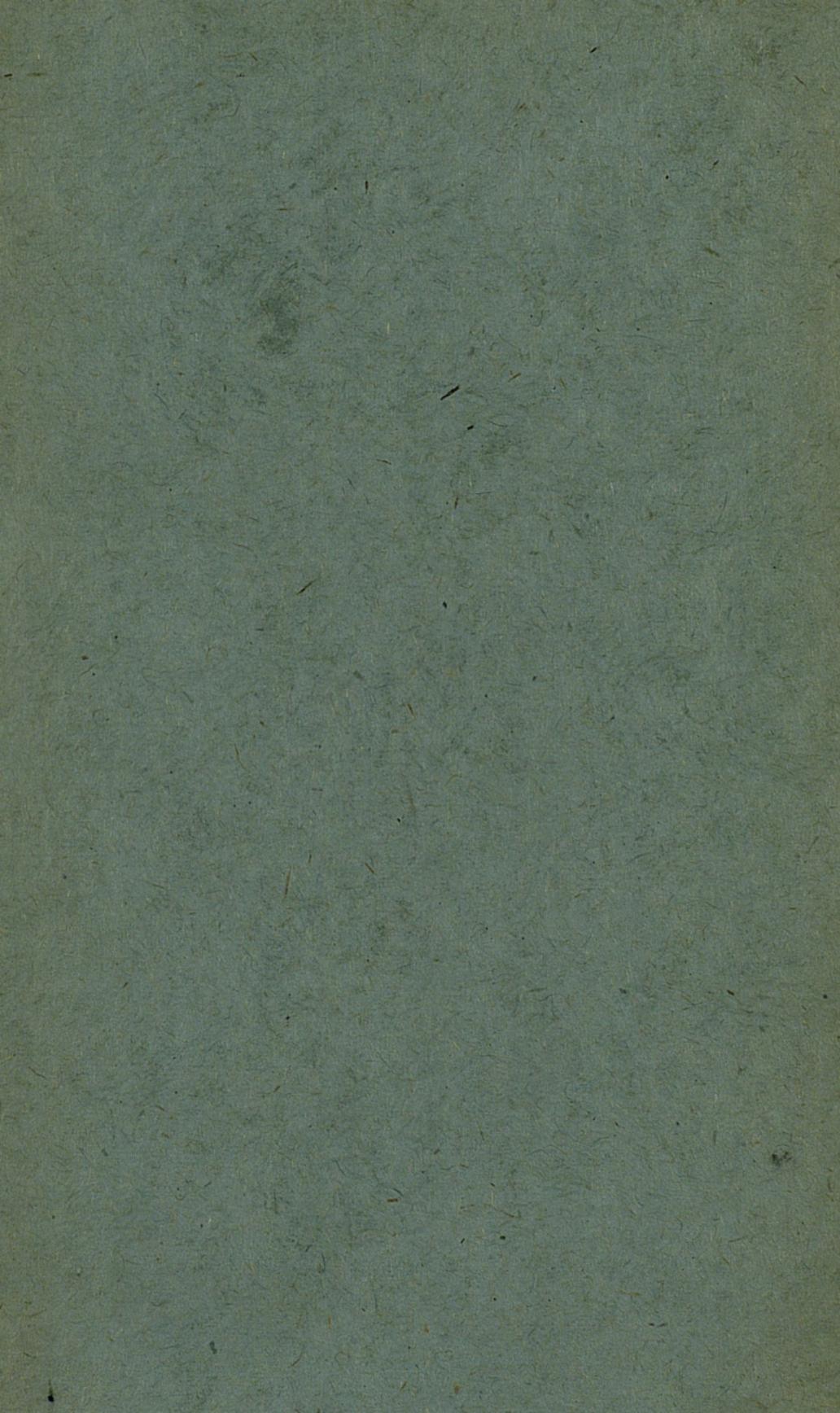

$\sqrt{\frac{66}{56}}$

ИЗДАНИЕ ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА
„Народная Библиотека“.

66
56

Станюковичъ.

ЗА „ЩУПЛЕНЬКАГО“

РАЗСКАЗЪ.

Цѣна 3 коп

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжн. складъ „ПРОВИНЦІЯ“. Спб., Стремянная, 6.

1912.

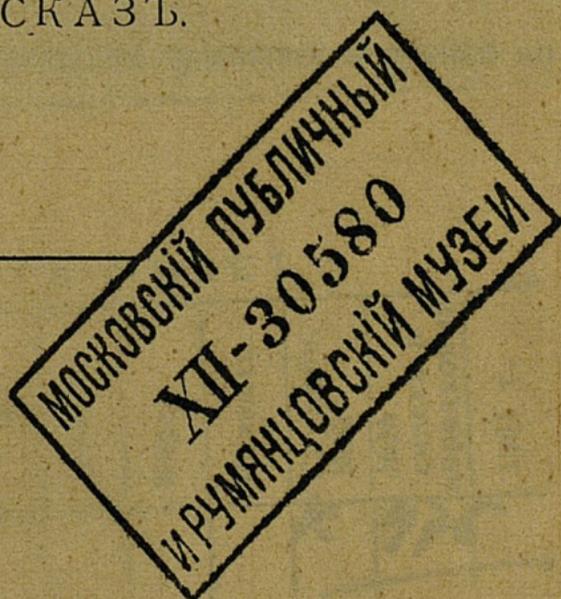
THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

ИЗДАНИЕ ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА
„Народная Библиотека“.

Станюковичъ

ЗА „ЩУПЛЕНЬКАГО“

РАЗСКАЗЪ.

Цѣна 3 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:

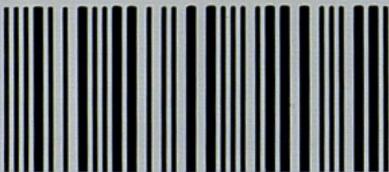
Книжн. складъ „ПРОВИНЦІЯ“. Спб., Стремянная, 6.

1912.

ՀԻՄՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

ՕՏԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
026-06-112
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

2007067218

За „Щупленькаго“.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Среди таинственнаго полусвѣта тропической лунной ночи плыль, направляясь къ югу, военный корветъ «Отважный», слегка покачиваясь и съ тихимъ гуломъ разсѣкая своимъ острымъ носомъ точно расплавленное серебро, такъ ярко свѣтилась фосфористымъ блескомъ вода.

На трехъ мачтахъ корвета стояли всѣ паруса, какіе только можно было поставить, и корветъ, подгоняемый ровнымъ мягкимъ пассатомъ, шелъ узловъ по пяти, шести, легко и свободно поднимаясь съ волны на волну.

Ночь была воистину волшебная.

Спокойный въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ вѣчнаго пассата Атлантическій океанъ словно бы дремалъ и съ ласковымъ рокотомъ катилъ свои лѣнливо нагоняющія одна на другую волны, залитыя серебристымъ блескомъ полнаго мѣсяца. Поднявшись высоко, онъ томно глядѣлъ съ бархатнаго неба, сверкавшаго брилліантами ласково мигаю-

щихъ звѣздъ. Послѣ истомы палящаго тропическаго дня отъ океана вѣяло нѣжной прохладой.

Тишина вокругъ. Тихо и на палубѣ корвета.

Вахтенный офицеръ, весь въ бѣломъ, съ разстегнутымъ воротомъ сорочки, лѣниво шагаль по мостику, оглядывая по временамъ горизонтъ: нѣтъ ли гдѣ шквалистой тучки или огонька встрѣчнаго судна, и изрѣдка вскрикивалъ.

— На бакѣ! Впередъ смотрѣть!

— Есть! смотримъ!—отвѣчали два голоса съ бака.

И скоро наступала тишина. И снова вахтенный офицеръ шагаль по мостику, и вдругъ спустился на палубу ловить дремлющихъ и спящихъ.

Вахтенное отдѣленіе матросовъ было по своимъ мѣстамъ, притулившись у мачтъ и бортовъ. Чтобы не поддаваться чарамъ сна, среди небольшихъ кучекъ идутъ разговоры вполголоса: вспоминаютъ про «свои мѣста», про Кронштадтъ, сказываютъ сказки и обмѣниваются критическими мнѣніями, порой весьма ядовитыми, насчетъ командира, старшаго офицера, вахтенныхъ начальниковъ, штурмановъ, механиковъ, кончая докторомъ и батюшкой.

А соблазнительная дрема такъ и подкрадывается въ нѣгѣ дивной ночи и въ мягкомъ дыханіи освѣжающаго вѣтерка. И дремали бы себѣ матросы, стой на вахтѣ другой офицеръ, зная, что въ тропикахъ при пассатѣ почти что и нечего опасаться. А у этого нельзя: этотъ злющій. Его такъ и звали матросы «Злющій». Подкрадется и, чуть увидитъ задремавшаго, изобьетъ. И съ какимъ-то жестокимъ удовольствіемъ изобьетъ, точно въ самомъ дѣлѣ бѣда, если матросъ на такой благодатной вахтѣ, когда нечего почти дѣлать, вздремнетъ, готовый очнуться при первомъ же окрикѣ.

И матросы борются съ дремой, взглядывая по временамъ на мостикъ, гдѣ шагаетъ «Злющій», и не безъ за-

висти прислушиваясь къ храпу вахтенныхъ, которые сладко спятъ не внизу, какъ обыкновенно, а на палубѣ, обдуваемые легкимъ вѣтеркомъ, на своихъ тоненькихъ тюфячкахъ.

— И хо-ро-шо, братцы! Ахъ, какъ хорошо! раздался среди тишины мягкій голосъ у баковой пушки. Такой ночи въ нашей землѣ не увидишь... И теплынь... И звѣздъ что понасяно... И океанъ ласковый... Гляди, не наглядисься!—восторженно прибавилъ матросъ и вздохнулъ полной грудью.

— Такихъ спокойныхъ мѣстовъ не много. Вотъ минуемъ тропики, войдемъ въ Индійскій океанъ... Тамъ, не бойсь, поймешь флотскую службу!—отвѣтилъ сиплый басокъ.

— А страшно въ Индійскомъ?

— Еще какъ страшно то! А тебѣ и вовсе нудно придется. Не по твоей комплекціи служба флотская. Тебѣ по твоему виду прямо на скрипкѣ играть... А тамъ то и дѣло: «пошелъ всѣ наверхъ», боцманъ будетъ кричать. То поворотъ дѣлать, то рифы брать, то штурмовые паруса ставить. Только поворачивайся да не считай зуботычинъ. Ну а ты, братецъ, не того фасона. Недаромъ тебя Щупленькимъ прозвали. Щупленькій и естъ!

Тотъ, котораго на корветѣ всѣ звали «Щупленькимъ», никогда не называя его по фамиліи, дѣйствительно оправдывалъ свое прозвище..

Маленькій, тоненькій, съ впалой грудью и блѣдноватымъ лицомъ, съ ласковымъ и нѣсколько испуганнымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, этотъ первогодокъ Семень Лязгинъ, попавшій изъ деревенскихъ пастуховъ въ матросы, какъ-то плохо привыкалъ къ морской службѣ, хотя и изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы привыкнуть и быть такимъ же лихимъ матросомъ, какъ другіе. Но въ немъ не было ни

физической силы, ни матросской отчаянности, и никакъ онъ ея пріобрѣсти не могъ.

Форъ-масовой Леонтію Егоркинъ, здоровенный коренастый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, полный этой самой отчаянности, которую онъ пріобрѣлъ послѣ изрядной порки въ первые годы своего морского обученія, и потерявшій отъ пьянства голосъ, былъ до нѣкоторой степени правъ, говоря, что Лязгину по его виду на скрипкѣ играть.

И онъ дѣйствительно игралъ и игралъ артистически, но не на скрипкѣ, а на гармоникѣ, и игрой своей доставлялъ большое удовольствіе всѣмъ — особенно Леонтію Егоркину. Изъ-за этого, кажется, Леонтію Егоркинъ благосклонно относился къ молодому матросику и жалѣлъ «Щупленькаго». Впрочемъ, его и всѣ жалѣли. Жалѣлъ даже и великій ругатель и «человѣкъ съ тяжелой рукой», боцманъ Ѳедосьевъ, и если и «смазывалъ» Щупленькаго, то больше для порядка и безъ всякой ожесточенности.

— Того и гляди духъ изъ него вонъ, ежели по настоящему съѣздить!—словно бы оправдываясь, говорилъ боцманъ другимъ унтеръ-офицерамъ...—И что съ его, съ «Щупленькаго», взять... Старанія много, а какой онъ матросъ! Онъ настоящаго боя не выдержитъ!—не безъ презрѣнія прибавлялъ Ѳедосьевъ, хвалившійся, что самъ въ теченіе своей пятнадцатилѣтней службы выдержалъ столько боя, что и не обсказать.

— И опять же пужливъ ты, Щупленькій! продолжалъ Егоркинъ,—линьковъ боишься.

— То-то боюсь!—виновато отвѣчалъ матросикъ.

И восторженность въ немъ исчезла.

II.

Пробило четыре склянки, это, значить, было два часа пополуночи.

— Очередные! На смѣну!—соннымъ голосомъ проговорилъ боцманъ, выходя съ послѣднимъ ударомъ колокола на середину бака.

— Есть!—одновременно отвѣтили два голоса.

И изъ кучки матросовъ, «лясничавшихъ» у бакового орудія, вышли Егоркинъ и «Щупленькій».

— Хорошенько впередъ смотрѣть!—напутствовалъ ихъ боцманъ, принимая вдругъ рѣзкій начальственный тонъ.

— Ладно! Знаемъ! Не форси, Федосѣичъ!—лѣниво отвѣтилъ Егоркинъ, нѣсколько удивленный, что боцманъ говоритъ о пустякахъ такому старому матросу.

— Ты то, старый чортъ, знаешь, а вонъ этотъ... Эй ты, Щупленькій!

— Есть!—испуганно отозвался матросикъ.

— Въ оба глаза глядѣть и вмѣстѣ вскричать, ежели что увидите.

— Есть! Буду глядѣть!

— И не засни, дурья голова!.. Не бойсь, знаешь, кто на вахтѣ?

— «Злющій», Андрей Федосѣичъ!

— Прозѣваешь вскрикнуть, велить тебя отшлифовать. И что тогда отъ тебя останется?

— Не могу знать!—вздрагивая всѣмъ тѣломъ, пробормоталъ Щупленькій.

— Шкелеть одинъ... вотъ что.

— Да не нуди ты человѣка, Федосѣичъ!—замѣтилъ Егоркинъ.—И то часовые смѣны ждутъ.

— Не нуди васъ, дьяволь. Такъ помни, Щупленькій...

Они пошли на носъ, и, когда часовые вылѣзли изъ углубленій у бугшприта, новые часовые сѣли на ихъ мѣста.

— Эка языкъ у боцмана!—съ досадой проворчалъ Егоркинъ и сталъ смотрѣть впередъ на блестящую полосу океана.

Смотрѣлъ и «Щупленькій» и замеръ отъ восторга. Такъ красива была эта серебристая морская даль.

Очарованный и прелестью ночи, и сверкавшимъ мириадами звѣздъ небосклономъ, и красавицей луной, и таинственнымъ, тихо рокующимъ океаномъ, молодой матросикъ, привыкшій еще въ пастухахъ къ общенію съ природою, весь отдался ея созерцанію. Проникнутый чувствомъ восторженнаго умиленія и въ то же время подавленный ея величіемъ, онъ не находилъ словъ. И что-то хорошее, и что-то жуткое наполняло его потрясенную, чуткую душу.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Примостившись въ своемъ гнѣздѣ, Егоркинъ поглядывалъ на горизонтъ и думалъ о томъ, какъ хорошо было бы вздремнуть. И онъ ужъ началъ было клевать носомъ, но, вспомнивъ о «Злющемъ», встрепенулся и взглянулъ на товарища: не дремлетъ ли и онъ?

Восторженное выраженіе блѣднаго, казавшагося еще блѣднѣй при лунномъ свѣтѣ, лица молодого матросика изумило Егоркина.

«Совсѣмъ чудной!»—подумалъ онъ и сказалъ:

— А хорошо здѣсь сидѣть, братецъ ты мой! Точно въ люлькѣ качаетъ и вѣтеркомъ обдаетъ. Такъ и клонеть ко сну... А ты остерегайся, Щупленькій!.. Онъ, дьяволъ, какъ кошка, незамѣтно подкрадется... Недѣлю тому назадъ Артемьева накрылъ и мало того, что зубы начистилъ, а еще на утро приказалъ всыпать двадцать пять линьковъ... омнишь?..

Но, казалось, «Щупленькій» въ эту минуту былъ гдѣ-то далеко-далеко отъ дѣйствительности. Онъ забылъ и о любимой службѣ, и о «Злющемъ», и о линькахъ, которыхъ боялся со страхомъ тщедушнаго человѣка передъ физической болью, и полный трепета передъ позоромъ наказа-

нія. Человѣческое достоинство, счастливо сохранившееся въ немъ въ тѣ отдаленныя времена крѣпостного права, когда оно попиралось, чувствовало этотъ позоръ и въ то же время беззащитность противъ него.

И словно отвѣчая на мысли, волнующія его, онъ раздумчиво протянулъ, какъ бы говоря самъ съ собой:

— И нѣтъ конца міру... И сколько однихъ океановъ... Пойми все это!

— Много ли, мало ли, тебѣ то что! Не матросскаго понятія это дѣло.

— Не матросскаго, а глядишь кругомъ и думается.

— А ты не думай. Брось лучше! На то старшій штурманъ есть, чтобы обмозговывать эти дѣла. Ихъ обучаютъ по этой части.

— И всякій человѣкъ можетъ думать... Душа просить... Ты возьми примѣрно звѣзды,—продолжалъ возбужденнымъ тономъ «Щупленькій», поднимая глаза къ небу...—Отсюда онѣ крохотныя, а на самомъ то дѣлѣ страсть какія великія... Мичманъ давѣ обсказывалъ. И далече-далече отъ насъ, оттого и махонькими оказываются себѣ... И сколько ихъ, и не счесть! А вотъ, поди же ты, висятъ на небѣ... другъ около дружки цѣпляются... удивленіе! Или взять мѣсяцъ. По какой такой причинѣ ходитъ себѣ по небу и льетъ свѣтъ? И изъ чего онъ? И что на емъ? Поди-ка дознайся! А мы вотъ плывемъ здѣсь и въ родѣ будто пи-скарики передъ всѣмъ этимъ Божьимъ устроеніемъ.

И матросикъ повелъ рукой на океанъ.

Егоркину не было ни малѣйшаго дѣла до этихъ деликатныхъ вопросовъ.

Вся его предыдущая жизнь матроса не располагала къ нимъ. Думы его имѣли главнѣйшимъ образомъ строго практической характеръ лихого форъ-марсового, который дѣлалъ свое трудное и опасливое дѣло частью по привычкѣ,

частью изъ желанія избѣгнуть наказаній, отъ которыхъ физически больно, и добродушнаго пьяницы, напивавшагося «вдребезги», какъ только что урывался на берегъ, но не пропивавшаго, однако, казенныхъ вещей, такъ какъ за это наказывали безпощадно.

Немножко фаталистъ, какъ и всѣ подневольные люди, онъ жилъ, какъ «Богъ дастъ». Дастъ Богъ добраго командира и добраго старшаго сѣцера, и ничего себѣ жить, а дастъ Богъ недобраго, надо терпѣть. А чтобы легче было терпѣть и чтобы хоть на время забывать дѣйствительную жизнь, подчасъ каторжную, Егоркинъ напивался и тогда воображалъ себя свободнымъ человѣкомъ.

Началъ онъ запивать на берегу при строгомъ командирѣ, но продолжалъ и при добромъ и мало по-малу привыкъ при съѣздахъ на берегъ напиваться, какъ онъ говорилъ, «во всю», чтобы не помнить себя. И уже тогда онъ не разбиралъ эпитетовъ, которыми награждалъ «злющихъ» офицеровъ, пьянствуя въ какомъ-нибудь кабацкѣ съ товарищами.

Рѣчи «Щупленькаго» показались Егоркину настолько странными, что онъ счелъ своимъ долгомъ высказаться.

И съ рѣшительностью человѣка, не теряющагося ни при какихъ обстоятельствахъ, онъ увѣренно проговорилъ.

— Богъ все произвелъ какъ слѣдуетъ: и землю, и море, и небо, и звѣзды, и всякую тварь. Всему, братецъ ты мой, опредѣлилъ мѣсто и шабашъ! И людей обозначилъ: коимъ примѣрно въ господахъ быть, коимъ въ простомъ званіи. Вотъ оно какъ! И ты зря не думай. Знай себѣ посматривай впередъ!

Молодой матросикъ, едва ли удовлетворенный объясненіемъ Егоркина, не продолжалъ разговора.

Такъ прошло нѣсколько времени въ молчаніи.

— И чудной ты!—проговорилъ вдругъ Егоркинъ.

— Чѣмъ чудной?

— А всѣмъ! И простъ сердцемъ, и понятіе хочешь имѣть обо всемъ. И на гармоніи играешь такъ, что душу въ тоску вгоняешь... такъ за сердце и берешь... Ты раньше чѣмъ занимался? Землей?

— Я сирота. Въ пастухахъ все жилъ.

— А гдѣ же ты грамотѣ научился?

— Самоучкой.

— Ишь вѣдь!.. И всегда такой слабосильный былъ?

— Всегда.

— Такъ какъ же тебя забрали въ матросы?

— И вовсе не хотѣли брать.

— То-то я и говорю, не подходишь ты по комплекціи. По какой же причинѣ взяли?

— Баринъ нашъ очень просилъ полковника, что некрутовъ принималъ. «Возьмите», говорить, «онъ мнѣ ненужный!»

— Ишь вѣдь собаки!—негодующе сказалъ Егоркинъ.

— Нѣтъ, Леонтій, баринъ былъ доберь. Мужиковъ не утѣснялъ!—заступился «Щупленькій».

— Хорошъ: «доберь». Такого слабосильнаго и на службу... Прямо, значить, доканать человѣка!.. А у тебя всякій человѣкъ доберь... Всякому оправданіе подберешь... Простъ ты очень. Тебя вотъ не пожалѣли, а ты всякаго жалѣешь... Вовсе ты чудной человѣкъ! Небойсь, по твоему и «Злющій» нашъ доберь?

— Вовсе не доберь, но только не отъ природы, а отъ непонятія, вотъ какъ я полагаю... И вразуми его Богъ понятіемъ, онъ матросиковъ зря не утѣснялъ бы... Выходить, и его пожалѣть можно, что безъ понятія человѣкъ...

— Ну, я такого дьявола не пожалѣю... Сдѣлай ваше одолженіе!.. Изъ-за его понапрасну меня два раза драли. Да и другихъ сколько... Попадись-ка онъ когда мнѣ одинъ въ лѣсу...

— И ничего ты ему не сдѣлалъ бы!—убѣжденно произнесъ Щупленькій.

— Морду его каркодилью свернулъ бы на сторону, это не будь я Леонтій Егоркинъ!—съ увлеченіемъ воскликнулъ матросъ и даже оскалилъ свои крѣпкіе бѣлые зубы. — Попробовалъ бы самъ, какъ скусно, тогда и остерегался бы... вошелъ бы въ понятіе... Мы, братецъ ты мой, боцмановъ учивали, кои безо всякаго разсудка дрались, вводили ихъ въ понятіе... Отлупцуемъ на берегу во всей формѣ, смотришь, и человѣкомъ сталъ... Не мордобойничаетъ зря... Опаску имѣетъ. А всякому человѣку опаска нужна, потому, дай ему волю надъ людьми, живо совѣсть забудетъ. Ты вотъ только очень устыдливый... И знаешь, что я тебѣ скажу?—неожиданно задалъ вопросъ Егоркинъ.

— А что?

— Тебѣ бы въ вѣстовые. Совсѣмъ легкое дѣло, не то, что матросское... И главная причина—ни порки, ни бою, ежели къ хорошему человѣку попадешь.

— Не попасть.

— То-то можно.

— А какъ? У всѣхъ господъ вѣстовые есть!

— Мичманъ Веригинъ хочетъ увольнить своего лодыря Прошку.

— За что?

— Что-то нехорошее сдѣлалъ. Только мичманъ не хочетъ срамить Прошку. Вотъ тебѣ бы, Щупленькій, къ мичману въ вѣстовые. Онъ хорошій и простъ. Не гнушается нашимъ братомъ, не то, что другіе.

— Несподручно какъ-то самому проситься, а я бы радъ.

— А я доложу мичману... Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. Онъ башковатый: пойметъ, что такого, какъ ты, вѣстового ему не найти... Сказать что ли?

— Скажи.

— Завтра же скажу. Тебѣ вовсе лучше будетъ въ вѣстовыхъ.

— То-то лучше!—подтвердилъ и «Щупленькій».

Въ эту минуту раздался голосъ вахтеннаго начальника:

— Впередъ смотрѣть!

— Есть! Смотримъ!—отвѣчали оба часовые почти одновременно...

И примолкли.

III.

А чары сна незамѣтно подкрадывались къ обоимъ.

Чтобы самому не поддаваться имъ и не дать дремѣ овладѣть и «Щупленькимъ», Егоркинъ сталъ разсказывать сказку.

Молодой матросъ слушалъ сказку внимательно, не спуская глазъ съ горизонта, но скоро глаза его начали словно бы застилаться туманомъ, и вѣки невольно закрывались. Въ его ушахъ раздавался сиплый голосъ Егоркина, но слова пропадали...

Убаюканный сказкой матросикъ задремалъ.

Вполнѣ увѣренный, что «Щупленькій» слушаетъ сказку, Егоркинъ продолжалъ описывать большущаго крылатаго змія, который загородилъ Бовѣ королевичу дорогу ко дворцу королевы Роксаны, какъ вдругъ увидалъ влѣво отъ себя зеленый огонекъ встрѣчнаго судна. Огонекъ быстро приближался.

— Кричимъ!—тихо сказалъ онъ товарищу, толкая его въ бокъ.

И съ этими словами крикнулъ, повернувъ голову по направленію къ мостику:

— Зеленый огонь влѣво!

Крикнулъ и снова толкнулъ товарища.

Молодой матросъ повторилъ этотъ окрикъ нѣсколькими секундами позже. И голосъ его дрогнулъ. И самъ онъ, очнувшійся отъ дремы, глядѣлъ въ ужасѣ на зеленый огонекъ.

— Задремалъ!—упавшимъ голосомъ сказалъ онъ.

Егоркинъ сердито молчалъ...

Боцманъ уже подбѣжалъ къ часовымъ.

Онъ ударилъ раза два по шеѣ молодого матроса и проговорилъ, обращаясь къ Егоркину:

— И ты хорошъ! Далъ ему дрыхнуть. Теперь будетъ раздѣлка! Черти! Однѣ только непріятности изъ-за васъ.

«Злющій», можетъ, и не замѣтилъ!—сказалъ Егоркинъ, видимо желая успокоить молодого матроса, блѣдное лицо котораго, полное отчаянія, словно бы говорило ему, что онъ отчасти виноватъ. Что-бы ему догадаться, что «Щупленькій» заснулъ.

— Не замѣтилъ?—усмѣхнулся боцманъ...—А вотъ онъ и самъ бѣжить сюда!—пониживъ голосъ, проговорилъ боцманъ...

Дѣйствительно, высокій и худощавый лейтенантъ съ рыжими бачками и усами торопливо несся на бакъ.

Боцманъ отошелъ отъ часовыхъ. Тѣ повернули головы къ океану.

Егоркинъ снова взглянулъ на «Щупленькаго».

Тотъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. И только губы его вздрагивали.

Великая жалость охватила сердце Егоркина при видѣ этого тщедушнаго, мертвенно-блѣднаго молодого матросика, который и простъ, и «доберъ», и такъ хватается за душу, когда играетъ на гармоникѣ.

И онъ чуть слышно сказалъ ему рѣзкимъ повелительнымъ тономъ:

— «Злющій» запросить, ты молчи!.. А не то искровяню. Понялъ?—угрожающе прибавилъ онъ—

Ничего не понявшій, и изумленный этимъ угрожающимъ тономъ матросикъ испуганно отвѣтилъ:

— Понялъ...

Въ эту минуту сзади надъ головами часовыхъ раздалось ругательство, и вслѣдъ за тѣмъ лейтенантъ спросилъ своимъ слегка гнусавымъ высокимъ голосомъ:

— Кто изъ васъ двухъ подлецовъ позже крикнулъ?

— Я, ваше благородіе!—отвѣчалъ, поворачивая голову, Егоркинъ.

«Щупленькій» только ахнулъ.

— Ты, пьяница? ты, старая каналья, спалъ на часахъ?

— Точно такъ. Задремалъ, ваше благородіе.

— Эй, боцманъ! Дать ему завтра пятьдесятъ линьковъ, чтобы онъ впередъ не дремалъ!..

И лейтенантъ торопливо ушелъ съ бака и поднялся на мостикъ.

— Левонтіи!.. Это какъ-же... За что?—дрогнувшимъ голосомъ началъ было «Щупленькій».

Взволнованный и умиленный, онъ продолжать не могъ, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу..

— Сказано: молчи да гляди впередъ!—ласково отвѣтилъ Егоркинъ.

И послѣ паузы прибавилъ:

— Мнѣ пятьдесятъ линьковъ наплевать. Я и по двѣсти принималъ, а ты?.. Ты вѣдь у насъ «Щупленькій»... Тебя пожалѣть надо!.. А должно, праходъ идетъ!—круто оборвалъ онъ рѣчь.

Дѣйствительно, скоро въ полусвѣтѣ лунной ночи вырисовался силуэтъ большого океанскаго парохода съ тремя мачтами.

Черезъ четверть часа онъ уже попыхивалъ дымкомъ изъ своей горластой трубы, приближаясь навстрѣчу, окруженный серебристымъ поясомъ сверкнувшей воды.

Оба часовые глядѣли на проходившій паруходъ молчаливые.

«Щупленькій» утираль слезы. Лицо Егоркина, обыкновенно суровое, свѣтилось какою-то проникновенной задумчивостью.

А мѣсяць и звѣзды, казалось, еще ласковѣе смотрѣли съ высоты бархатистаго темнаго купола.

И старикъ-океанъ, казалось, еще нѣжнѣе рокоталъ въ эту чудную тропическую ночь, бывшую свидѣтельницау великой любви матросскаго сердца.

ИЗДАНІЯ ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА:

Проф. **Германъ Клейнъ.**

Астрономическіе вечера.

Переводъ Давыдова съ 6-го переработ. и дополн. нѣмецкаго изданія. 414 стран. текста, 25 иллюстрацій и карта сѣвернаго звѣзднаго неба.

Содержаніе: Астрономія въ древности и въ средніе вѣка.—Новое время. Коперникъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, позднѣйшіе изслѣдователи неба.—Солнце.—Луна.—Планеты.—Кометы и падающія звѣзды.—Неподвижныя звѣзды. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Содержаніе: Міръ, какъ цѣлое.—Прошлое и будущее вселенной.—Царство туманныхъ пятенъ и ихъ роль въ образованіи звѣздныхъ системъ.—Солнце.—Природа кометъ и ихъ роль во вселенной.—Роль падающихъ звѣздъ въ солнечной системѣ.—Воздухъ солнечной системы и земли.—Обитаемость луны.—Обитаемость планетныхъ міровъ. Переводъ І. А. Давыдова. Съ 45 рис. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА.

Содержаніе: Понятія древнихъ о землѣ.—Великіе мореплаватели и открытіе новыхъ странъ. (Колумбъ, Васко-де Гама, Магелланъ). Изслѣдованіе глубинъ океана.—Форма земли.—Размѣры земного шара.—Вѣсь земли.—Измѣненіе на земной поверхности.—Море и морское дно.—Морскія теченія.—Острова.—Наводненія.—Пороги и водопады.—Озера.—Болота.—Ледники.—Землетрясеніе.—Вулканическія явленія.—Атмосфера и ея свойства.—Облака.—Дождь.—Грозы.—Вѣтры.—Атмосферное электричество и земной магнетизмъ. Съ 84 рис. Цѣна 1 р. 35 к.

В. Оствальдъ.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Р. Боммелл.

ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Ф а б р ь.

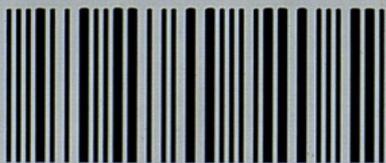
ЖИЗНЬ НАСѢКОМЫХЪ.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

2007067218